

Вот уже 40 лет эйдетическая сущность Льва Марковича в моем сознании остается удивительно живой. В живой непосредственный контакт с ним, будучи студентом первокурсником, я вступал очень редко и, как теперь кажется, не по существу. Но и при этом сразу поражало его особенная экспансивная откликаемость, которая могла бы показаться даже навязчивой, если бы не поразительная, по-детски чистая доброжелательность, особую трогательность которой придавала его выраженная близорукость. Массивные очки, удлинённый с горбинкой рельефный нос, выраженная астеническая конституция церебротоника с характерным живым блеском глаз делали его заметным в любой компании. Будучи синтонным ей, он все рано выглядел как бы не от мира сего, немножко марсианином...

Однако главное и самое интересное происходило на его лекциях. Читал он нам «психические процессы» на довольно сложном и как я теперь понимаю виртуозном уровне владения предметом. Не случайно некоторые девушки реагировали на его лекции как на знакомство с электричеством. Но дело не в том, о чем он рассказывал – дело в том, КАК он это делал. Повествуя о сложных «приключениях» изоморфизма в перцепции он умудрялся буквально вытаскивать образ на кончик пальца как острière иглы и буквально любоваться им. Именно тогда тонкая *телесность* образа стала для меня навсегда самой загадочной реальностью. Оказывается, это было видно и со стороны, когда я увидел себя, слушающего Веккера, на фотографии в университетской газете – с открытым ртом и широко раскрытыми глазами. Это была удивительная приобщенность к живому потоку и искусству мыслительной деятельности, ментальной жизни в полном смысле слова.

Несмотря на сенсуалистскую ориентацию, идущую от школы Б.Г. Ананьева и пристрастие к фатальности психофизиологической проблемы, Льву Марковичу удавалось осязаемо и красочно живописать автономную самостоятельную активность перцептивно-мыслительных процессов, подкрепляя ее неожиданными живыми метафорами типа «мистики белых ночей». В таком контексте и по сей день эвристичная идея «информационно-энергетического инварианта» жизни интеллекта не выглядела абстрактно, но будоражила воображение. Завораживал акцент в анализе образа на процессе трансформации сукцессивного (последовательного) в симультанное (одновременное). Связь этого превращения с константностью (инвариантностью образа относительно хаоса сенсомоторной и сенсорцептивной динамики) говорила об автономности образных систем, о новых степенях свободы, пространственно-временных и информационно-энергетических соотношений. В словах и руках Льва Марковича образ становился панорамным и голографическим. Может быть, тогда я и начал чувствовать фундаментальную суверенность и своеобразие эйдетического мира человека в отличие от мира физического.

Мои научные интересы, на первый взгляд, находились далеко от научного направления Льва Марковича: транскомуникация, трансперсональная психология, группа экзистенциального опыта. Но и в преподавании, и в тренинге я продолжал нести этот опыт со-участия в потоке мыслеобразов. Он стал для меня внутренним критерием качества собственного преподавания и групповой работы. То, что сейчас я с неугасающим интересом занимаюсь живыми образами в эйдетической коммуникации, в ноэтическом практикуме - мне видится в этом глубокая преемственность такого стиля живой науки.

Лично я не встречал в литературе более тщательного системного анализа многоуровневой организации психических процессов человека. На мой взгляд, и здесь Лев Маркович оказался непревзойденным виртуозом своего дела. Но это другая история...